

Археологические вести

32
(2021)

Санкт-Петербург
2021

О терракотовой пластике античного Согда

А. В. Омельченко¹

Аннотация. Рассмотрев основные типы согдийских терракотовых статуэток III в. до н. э. — V в. н. э., автор пришел к заключению об определенном влиянии на них образов греческой терракоты. Однако это воздействие на Согд было опосредовано «транзитными» культурными областями — Месопотамией, Маргианой и Бактрией.

Annotation. Having considered the main types of Sogdian terracotta figurines of the 3rd century BC — 5th century AD the author has come to a conclusion that there was a certain influence of the images of Greek terracotta art upon them. However, this impact upon Sogdiana was mediated by “transit” cultural regions — Mesopotamia, Margiana and Bactria.

Ключевые слова: коропластика, типы, Средний Восток, Согд, античная эпоха, эллинизм, древний костюм и атрибуты.

Keywords: coroplastics, types, Middle East, Sogdiana, Antique era, Hellenism, ancient costume and attributes.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-255-273

Согдиана — культурно-историческая область, занимавшая в древности центральную часть Средней Азии. Выделяют четыре основных ареала расселения согдийцев: два по реке Зеравшан — Самарканд с прилегающими районами (среднее и верхнее течение, Центральный Согд) и Бухарский оазис (нижнее течение, Западный Согд), два по реке Кашкадарья (Южный Согд) — Кеш (Китabo-Шахрисабзский оазис, на востоке) и Нахшаб (Каршинский оазис, на западе) (рис. 1).

Терракотовая пластика (или, шире, коропластика) — искусство изготовления небольших фигурок из глины — известна на юге Средней Азии с эпохи неолита². Однако в Согдиане непрерывное развитие оно получает только в период античности, не ранее III в. до н. э. Вследствие того что производство статуэток в регионе в древности и раннем средневековье было массовым, их много в экспозициях и фондах музеев. Самые большие коллекции согдийской терракоты находятся в Узбекистане,

прежде всего в Самарканде и Ташкенте, а также Бухаре, Шахрисабзе, Карши; есть они и в Таджикистане (Душанбе, Пенджикенте). За пределами Средней Азии крупным собранием обладает Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург), меньшим — Государственный Исторический музей (Москва).

Основу коллекций коропластики Центральной Согдианы³ составляют статуэтки и их фрагменты из двух больших собраний известных собирателей древностей конца XIX — начала XX в.: Б. Н. Кастальского и самаркандского купца Мирзы Бухари, который сотрудничал с Н. И. Веселовским⁴. До начала 1940-х гг. коллекции музеев пополнялись за счет археологических раскопок прежде всего на городищах Центральной Согдианы: Афрасиаб (древний Самарканд) (Вяткин, 1926), Тали-Барзу и Кафыр-кала (Григорьев, 1940).

³ Иллюстративный материал в статье собран по регионам: рис. 2, 3 — Центральный Согд, 3 — Южный Согд, 4 — Западный Согд.

⁴ В собрании Эрмитажа есть не только фигурки, приобретенные у самаркандского антиквара известным петербургским археологом, но также статуэтки, происходящие непосредственно из раскопок Н. И. Веселовского на Афрасиабе.

¹ Отдел Востока, Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: andrey.sogd@gmail.com.

² В статье рассматриваются основные типы только антропоморфных фигурок.

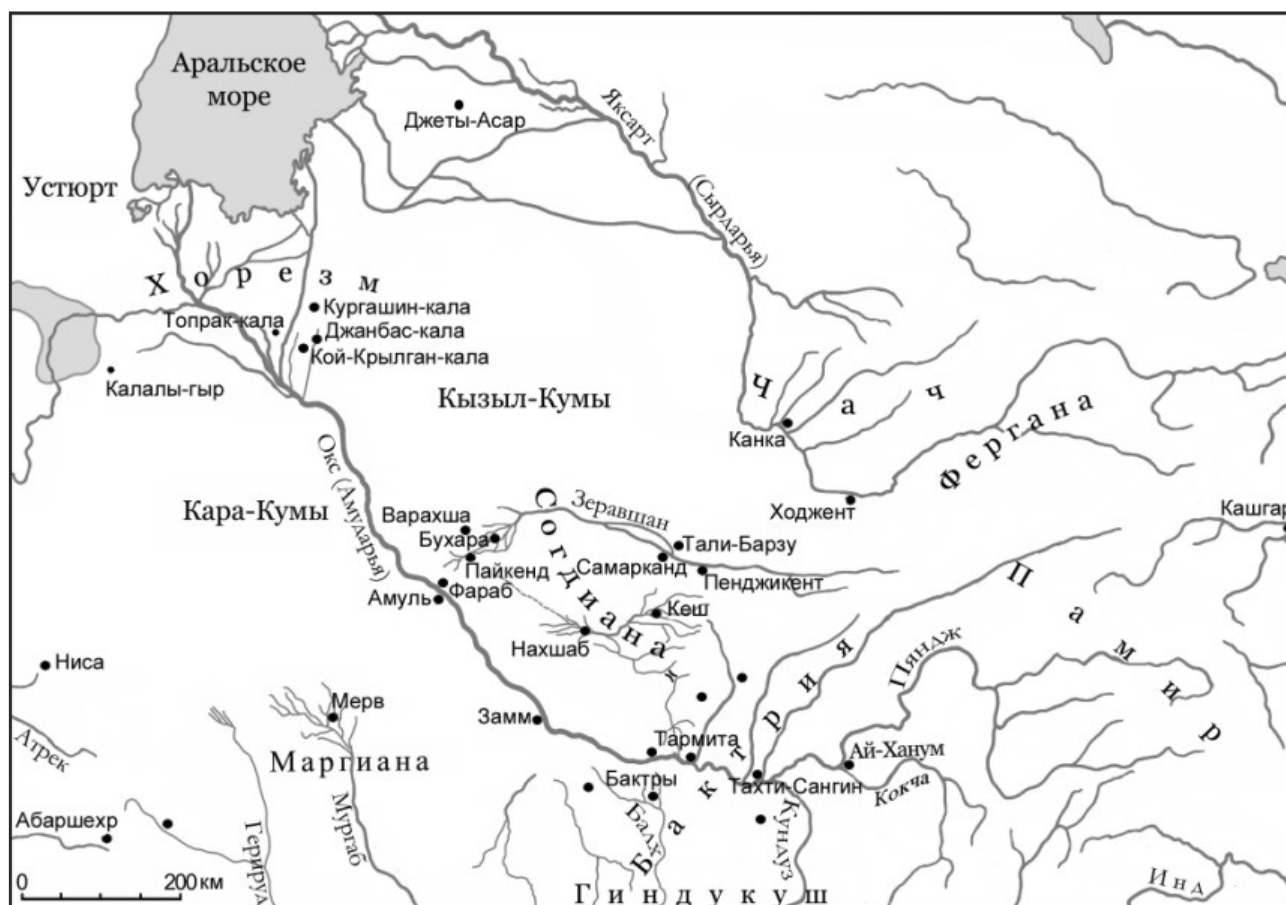

Рис. 1. Средняя Азия в эпоху античности. Культурно-исторические области

Fig. 1. Central Asia in antiquity. Cultural-historian regions

Следующий этап поступления новой информации о коропластике Согда приходится на вторую половину XX в. и связан с расширением территории исследований, особенно после создания в 1958 г. Афрасиабской археологической экспедиции. Многие ее находки были сделаны в соответствующих культурных наложениях, что позволило установить датировки для ранее известных групп фигурок (исследования А. И. Тереножкина, С. К. Кабанова, Г. В. Шишкиной). Работы 1989–2008 гг. узбекско-французской экспедиции MAFOUZ-Согдиана принесли новые стратифицированные находки терракотовых изображений.

Меньшим количеством образцов представлена терракота Западного (Бухарского) Согда. В научный оборот она была введена после исследования городища Варакша на северо-западе оазиса (Шишкин, 1963. С. 49, 50, 122, 123, 143), раскопок в самой Бухаре (Адылов, 1983; Ахраров, Усманова, 1990) и на городищах Пайкент (Бухарская археологическая экспедиция Государственного

Эрмитажа и Института археологии АН Узбекистана; см. далее), позднее — Уч-Кулах (узбекско-итальянская миссия; *Lo Muzio*, 2009), а совсем недавно — Баштепа (узбекско-американская экспедиция; *Stark et al.*, 2019). Были опубликованы и некоторые статуэтки, обнаруженные в Бухарском оазисе в предшествующие десятилетия и ранее не изданные (*Lo Muzio*, 2010).

Терракота античного периода Южного Согда известна прежде всего благодаря исследованиям на городищах Еркурган (древний Нахшаб) в нижнем течении р. Кашкадарья (Воробьева, 1991. С. 111–116; Сулейманов, 2000. С. 189–225) и в Китабе (Кеш) — в верхнем (Кабанов, 1962. С. 47–48; Крашенинникова, 1977. С. 89, 93, ил. 26; 1989. С. 30). Несколько статуэток I в. до н. э. — III в. н. э. было обнаружено в ходе исследований других древних тепа области (Омельченко, 2000а; 2000б; 2001).

Первый каталог, включавший материалы по терракоте Согда, вышел еще в XIX в. В нем была

предложена типология статуэток и указано на их сходство с коропластикой Малой Азии античного времени; была выделена так называемая смешанная греко-азиатская группа (Толстой, Кондаков, 1890. С. 26–35). В 1930-х гг. был издан хорошо иллюстрированный каталог терракоты Афрасиаба, хранящейся в Государственном Эрмитаже (Trever, 1934).

Первая большая публикация второй половины XX в., посвященная согдийской терракоте, принадлежит Ф. А. Заславской (Заславская, 1959). Основоположницей комплексного изучения коропластики Согдианы и Средней Азии является В. А. Мешкерис. Результатом ее многолетних трудов стали монографии (Мешкерис, 1962; 1977; 1989; 2004), в которых проанализирована большая часть коллекций и отдельных находок терракотовых статуэток из Согда (прежде всего Самарканда), предложены их классификация и датировки, выделены различные школы производства фигурок. Эти работы на долгие годы стали ориентиром для исследователей, затрагивающих в своих публикациях тему малой пластики Согда.

Большой раздел, посвященный анализу терракоты Нахшаба, включает капитальная монография Р. Х. Сулейманова (Сулейманов, 2000. С. 189–225). Данные согдийской коропластики были привлечены также в двух работах, рассматривающих древний среднеазиатский костюм (Kidd, 2007; Яценко, 2006). Не так давно издан объемный труд, в котором рассмотрено большинство известных находок среднеазиатской терракоты античного периода, которые происходят непосредственно из раскопок (Двуреченская, 2016).

Древнейшие терракотовые фигурки попали в долину Зеравшана в эпоху позднего энеолита — ранней бронзы (конец IV — середина III тыс. до н. э.) в связи с расширением ойкумены древнеземледельческих племен Ближнего и Среднего Востока. Статуэтки богини-матери найдены на поселении Саразм в верхнем течении реки (Исаков, 1991. Рис. 68; Кирчо, 2007. С. 198, 199) и могильнике Заманбаба — в нижнем (Гулямов и др., 1966. Табл. 5, 5; Алёкшин, 2010. С. 81, 87). Для эпохи поздней бронзы и раннего железного века малая пластика, как и скульптура, в Согдиане почти неизвестна. С начала I тыс. до н. э. в Средней Азии получает распространение зороастризм, по канонам которого изначально запрещалось изображать божества. Тем не менее в период вхождения большей части Средней Азии в состав Ахеменидской империи (с 530 г. до н. э.), включавшей древние центры искусства

коропластики Ближнего Востока, некоторые изделия могли привозиться в регион. Примером, в частности, являются фигурки всадников в башлыках, попадавшие в Среднеазиатское междуречье, как и в другие области империи, видимо, с войнами гарнизонов (рис. 2.III, 1) (Мешкерис, 1989. С. 105, рис. 14, 1, 1a; ср.: Karageorghis et al., 2016. Cat. no. 280, 282, 295, 296; Menegazzi, 2009. P. 75, fig. 7).

Походы Александра Македонского и, как следствие, создание восточно-эллинистических государств, привели к важным сдвигам не только в социально-экономической, но и в демографической и духовной сферах, что отразилось в искусстве регионов — от Египта до Индостана. В Средней Азии усиливается влияние ближневосточных и эллинистических культов, что определялось также переселением значительного количества колонистов с Балкан и из Малой Азии. Ярче эти процессы были выражены в более эллинизированных Бактрии и Маргиане, являвшихся для Согдианы своеобразными ретрансляторами новых веяний. В самом Согде, ввиду большей удаленности, изменения произошли позже, что вместе со свойственной местному населению традиционностью, определяло некоторую «экзотичность» образов эллинских божеств, переосмысливаемых в соответствии с принятыми религиозными воззрениями и эстетическими канонами.

В силу своего столичного статуса важнейшим центром производства терракоты на протяжении тысячелетия являлся крупнейший город Согда — Самарканд (Мараканда). Археологические исследования показывают, что о первых опытах местных мастеров с небольшими изображениями коропластики можно говорить применительно к концу III — началу II в. до н. э. Наиболее ранние образцы представлены антропоморфными налпами на сосудах (Кабанов, 1984. Рис. 1, 1, 3), выполненными в подражание так называемым атташам, или аппликативным рельефам, украшавшим металлическую и гончарную посуду пред- и эллинистического периодов (Treister, 2010. P. 18–19, fig. 21; Carter et al., 2015. P. 110–112), а также позднее. Скорее всего, от импортных чаш (мегарских?) происходят медальоны с рельефными изображениями голов Горгоны Медузы (рис. 2.I, 2, 3) — распространенного в античном мире талисмана, который помещался на различные предметы в качестве оберега (Carter et al., 2015. P. 202, 266, 268, 282, 289; Rotroff, 1982. No. 24, 44, 119, 121, 124, 180, etc.). В свою очередь штампованные налпы

Рис. 2.I. Терракота Центрального (Самаркандского) Согда. Налепы и оттиски. Хранение Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург)

Fig. 2.I. Terracotta of Central (Samarkand) Sogd. Clay appliqués and imprints. Collection of the State Hermitage Museum (St. Petersburg)

с изображением головы Силена (рис. 2.I, 1), божества, входившего в окружение Диониса, украшали большие сосуды, в которых смешивали вино (Шишкина, 1965. С. 180–181, рис. 1). Судя по экземплярам эрмитажной коллекции, эти изделия были очень качественными, делались обычно из серой глины, покрывались темно-серым ангобом и лощением (в подражание серебру). Подобный сосуд, найденный МАFOUz на Афрасиабе в слоях конца II (?) — I в. до н. э., был уже красноглиняным, хотя и с серым ангобом; его украшал налеп в виде мужского бюста в кулохе (Двореченская, 2016. С. 156).

Остается спорным вопрос о времени начала перманентного изготовления в Согдиане художественно выполненных полнофигурных статуэток. Как полагают, они в основном являлись изображениями божеств, копируя их статуи в храмах. В самой Греции и на Переднем Востоке в конце IV–III вв. до н. э. производство терракоты значительно расширяется, что с точки зрения технологии объясняется массовым использованием гипсовых матриц (Русяева, 1982. С. 9, 11, 20), а с художественной — заметным увеличением количества образов и сюжетов в результате взаимодействия греческой и восточных культур.

Ранним и, очевидно, привозным образцом коропластики в Согде является фрагментированная

статуэтка воина (?) в коротком хитоне и плаще из храма городища Еркурган (Нахшаб, III–II вв. до н. э.) (рис. 3, 1) (Сулейманов, 2000. С. 189, рис. 143, 3). Близка «западным» образцам эллинистического периода женская статуэтка из Самарканда, облаченная в хитон и гиматий «классического» облика (Мешкерис, 1962. С. 56, табл. I, 9). В обоих случаях фигурки выполнены в односторонних формах — черта, характерная для терракоты эллинистического и более раннего времени ближневосточных центров коропластики (Langin-Hooper, 2007. Fig. 2, 3, 6, 8), в отличие от античной традиции изготовления статуэток в двусторонних матрицах.

Похожи на «куклы» (фигурки, на которые надевались одежды) самаркандские статуэтки с короткими выступами вместо рук и браслетами на ногах (Мешкерис, 1989. Рис. 3) — подобный тип известен в греческой и эллинистической ближневосточной коропластике (Кобылина, 1961. С. 52, табл. VII, 3; Langin-Hooper, 2007. Fig. 4, 5). Такие же фигурки обнаружены в Таксиле в Пенджабе (Marshall, 1951. Pl. 132, 8). Они, как и другие находки терракоты, свидетельствуют о сходстве линий развития среднеазиатской и индийской школ коропластики (Ibid. Pl. 131–136) в поздне- и постэллинистический периоды.

Рис. 2.II. Терракота Центрального (Самаркандского) Согда. Женские персонажи.
Хранение Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург)

Fig. 2.II. Terracotta of Central (Samarkand) Sogd. Female characters.
Collection of the State Hermitage Museum (St. Petersburg)

Рис. 2.III. Терракота Центрального (Самаркандского) Согда. Мужские персонажи, музыканты. Хранение Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург)

Fig. 2.III. Terracotta of Central (Samarkand) Sogd. Male characters, musicians. Collection of the State Hermitage Museum (St. Petersburg)

Производство полнофигурных терракотовых статуэток на месте, в Согде, начинается, на наш взгляд, во II в. до н. э., ближе к его середине. Это определяли, как полагают, две связанные причины. Привнесенная культура перестает ассоциироваться с греко-македонскими завоевателями (Кошеленко, 1979. С. 42), потомки которых уже утратили контроль над Среднеазиатским междуречьем. В то же время кочевники, движение которых ликвидировало власть эллинистических правителей в Согде, Бактрии и Парфии, сами способствовали распространению изображений, прежде всего женских божеств, которых высоко почитали (Сулейманов, 2000. С. 275, 283).

Как и в других регионах, форма (матрица) для производства статуэток снималась с первоначальной модели (так называемой матрицы), выполненной из глины, металла, камня, дерева, алебаstra⁵. Получившиеся статуэтки широко расходились по области и за ее пределами и сами в дальнейшем становились моделями, что позволяло тиражировать фигурки в большом количестве. Однако в результате многочисленных повторений этого процесса статуэтки уменьшались в размерах, искажались детали и пропорции (так называемый процесс *редукции*). Модели и выполненные с них керамические матрицы высоко ценились и могли перемещаться на значительные расстояния. Это объясняет поразительное сходство ряда образов, которые передают статуэтки, происходящие из удаленных на тысячи километров друг от друга областей древнего мира: от Великой Греции и Северного Причерноморья до оазисов Средней Азии, Восточного Туркестана и Индии.

На раннем этапе близкой согдийской была маргианская школа коропластики, испытывавшая, значительное воздействие ближневосточных центров. Это неслучайно: с последней трети II в. до н. э. и Месопотамия на западе, и Маргиана, а возможно, и частично Бактрия на востоке входят в состав Парфянского государства (Пилипко, 2003. С. 126; Ртвеладзе, 2012. С. 146).

Отличительной особенностью первой продукции среднеазиатских коропластов II–I вв. до н. э. было качество отделки изделий: большинство из них покрыто плотным ангобом красно-

коричневых оттенков. Значительно реже встречаются фигурки, выполненные из серых по обжигу глины с темно-серой облицовкой (рис. 3, 4). В первых веках нашей эры чаще используется коричневый ангоб, а в позднеантичный период статуэтки зачастую имеют светлую поверхность.

Подавляющее большинство среднеазиатских терракотовых фигурок фрагментировано: обычно наличествует либо голова, либо туловище. Исследователи объясняют этот факт преднамеренной их десакрализацией (поломкой) в связи с окончанием календарного периода. По источникам известно, что на организуемых дважды в год специальных базарах жители всегда могли обновить домашний набор почитаемых в домохозяйстве «идолов»-статуэток⁶.

Древнейшим в терракоте земледельческих племен Ближнего и Среднего Востока был образ Великой Богини-Матери. Судя по находкам, наиболее ранняя группа в Согдиане и в Средней Азии в целом представлена типом стоящих обнаженных фигурок с руками, поддерживающими грудь (более поздний вариант — вверх живота), или с одной рукой у груди, а другой — на лоне (или вытянутой вдоль тела) (рис. 2. II, 1–3) (Мешкерис, 1962. С. 56, табл. I, 4, 7).

Первый тип находит многочисленные аналогии в терракоте Ближнего Востока, где он представлен реалистично выполненными образцами уже во II тыс. до н. э. Бытуют подобные статуэтки здесь и в ахеменидскую и эллинистическую эпохи. Исследователи отождествляют их с изображениями Инанны, или Иштар (Barrelet, 1968. Fig. 407, 410, 429, 443, 584, 665b, etc.; Moorey, 2002. Fig. 3). «Свои» божества передавались в подобной позе в III в. до н. э. и в греческой коропластике, особенно часто Афродита (Денисова, 1981. С. 32–35, табл. III–V). В Бактрии статуэтки нагой женщины, часть которых, как и в Согде, может относиться еще к первой половине II в. до н. э., связывают с Великой Бактрийской богиней, ипостасью Богини-Матери (Пугаченкова, 1974. С. 129).

Из слоев I в. до н. э. столичного г. Китаб (древний Кеш) происходят лепная фигурка нагой матроны, а также статуэтки женщин с младенцем на руках (Крашенинникова, 1977. Ил. 26, 3; 1989. С. 30). Необычна терракота, изображающая стоящую стройную обнаженную женщину, с соседнего поселения Сарайтепа (около рубежа нашей эры).

⁵ Как полагал Б. И. Маршак, это была эксклюзивная работа мастеров высокого уровня, не исключено, что скульпторов, делавших статуи для местных храмов (Маршак, 1999. С. 177).

⁶ Речь идет о Бухаре (Наршахи, 2011. С. 33).

Качество исполнения фигурки напоминает резбу по кости (рис. 3, 2). На согнутой правой руке у нее лежит, видимо, спеленатый младенец, а бедра укутывает легкое покрывало. Очевидно, перед нами редкий для Согда образец малой пластики, сочетающий черты ближневосточной, греческой и индийской культур, своего рода квинтэссенция в искусстве коропластики такого явления как эллинизм (Омельченко, 2000а. С. 176–178).

Самыми ранними примерами похожие фигурки представлены в Месопотамии и соотносятся опять же с богиней Иштар (шумерийской Инанной) (Barrelet, 1968. P. 409, pl. XLIII, 452; LVI, 592–595; LXXXII, 820–822). В греческой терракоте в ипостаси *куротрофос* — защитницы детей — изображается Афродита с младенцем Эротом на руках (Burr, 1963. P. 314–315, fig. 3; Денисова, 1981. С. 31–32, 119, табл. XI, e; Fjeldhagen, 1995. Fig. 8, cat. no. 35, 36).

В Средней Азии в I–IV вв. подобный тип статуэток встречается в Хорезме, причем женские персонажи из Кой-Крылган-калы также, возможно, обнажены, а у одной из них младенец как будто спеленат (Ремпель, 1987. С. 82–83, рис. 32, z; Двуреченская, 2016. Рис. 109, 1, 2). Не исключено, что похожую композицию передает одна из статуэток Маргианы, но здесь женщина в одеждах, а ребенок постарше лежит на левой руке (Пугаченкова, 1962. С. 121–122, рис. 2, 2; Двуреченская, 2016. Рис. 260, 5). На терракотовой плитке из бактрийского Тахти-Сангина (храма Окса)⁷ и золотой статуэтке из индийской Таксилы рубежа нашей эры (Boardman, 2015. P. 158) богиня обнажена до бедер, но ребенок находится у ног матери.

В скульптуре Индии образ матери с ребенком передан на барельефах Таксилы, Матхуры, Нагарджуконды, Бенгалии и в Гималайском искусстве (Marshall, 1951. Vol. II. P. 51, 449, photo 30; Mode, 1970. S. 51, Foto 28). Нередко это Харити — жена якши Панчики, почитание которой было

тесно связано с культом матерей (Абдуллаев, 1995. С. 41–42).

Сближает фигурку из Южного Согда (Сарайтепа) с некоторыми образцами древнегреческой и древнеиндийской пластики сходное положение ног и наличие легкого покрывала у бедер. В скульптуре и терракоте III–I вв. до н. э. Афродита нередко стоит, перенесла тяжесть тела на одну из ног, а другую — полусогнув в колене (Денисова, 1981. С. 55, табл. XVI, М-154, М-155; Терракотовые статуэтки, 1974. С. 48). Такая поза придает человеческому телу ощущение свободы и грациозности. В Индии, в которую, как и в Среднюю Азию, образцы коропластики достаточно массово поступают только с эллинистического времени, подобная композиция была творчески переработана с учетом местных эстетических предпочтений. Скульптурные изображения, прежде всего yakshi, начинают строиться по принципу *contrapposto*, или *трибханги*, — тройного изгиба тела (Swarup, 1957. P. 32; Rowland, 1959. P. 48, 52, 89; Тюляев, 1988. С. 128).

Фигурки почти полностью нагих женщин со скрещенными ногами, очень похожие на кешскую, но без ребенка, найдены в Маргиане (Пугаченкова, 1962. С. 123; Двуреченская, 2016. Рис. 260). У «полуобнаженных» статуэток из этой области, как и у терракоты из Нахшаба (Южный Согд) (рис. 3, 3), одежды в ряде случаев окутывают нижнюю часть тела или икры.

Положение левой руки у плеча статуэтки из Кеша похоже на то, что встречается у изображений Афродиты. Однако если греческая богиня придерживает край покрывала (Терракотовые статуэтки, 1974. Табл. 23, 1, 2), то пальцы согдийской сложены в зороастрийском знаке адорации, благословения (два пальца вверх, остальные прижаты к ладони), который известен и по другим среднеазиатским изображениям (Луконин, 1977. Ил. 217; Альбаум, 1960. С. 77–78)⁸.

⁷ Фигурка находится в экспозиции Национального музея древностей Таджикистана.

⁸ Он также входит в число 24 главных мудр (Swarup, 1957. P. 32).

Рис. 3. Терракота Южного Согда (области Кеш и Нахшаб); 1, 5, 7 — Сулейманов, 2000. Рис. 143, 3; 144, 1; 152, 2; 2, 4, 8–11 — из раскопок и сборов автора; 3, 6 — Исторический музей г. Шахрисабз, фото автора (Сулейманов, 2000. Рис. 152, 4; 149, 2); 12 — Крашенинникова, 1977. Ил. 26, 1; 13 — Кабанов, 1962. Рис. 3. Масштаб: а — для 1, 3–13; б — для 2

Fig. 3. Terracottas of Southern Sogd (Kesh and Nakhshab regions). 1, 5, 7 — Сулейманов, 2000. Рис. 143, 3; 144, 1; 152, 2; 2, 4, 8–11 — from the author's excavations and surface findings; 3, 6 — Shahrisabz Museum of History and Material Culture, photo by the author (Сулейманов, 2000. Рис. 152, 4; 149, 2); 12 — Крашенинникова, 1977. Рис. 26, 1; 13 — Кабанов, 1962. Рис. 3. Scale: а — for 1, 3–13; б — for 2

Заимствована у эллинистических изображений Афродиты (Денисова, 1981. Табл. XVI, а, г, ж) также крестообразная перевязь с центральным кольцом, показанная на статуэтках обнаженных женских фигур из храма Еркургана (Южный Согд) (рис. 3, 3) (Воробьева, 1991. С. 111–116; Сулейманов, 2000. С. 193, рис. 152, 4), с Афрасиаба (Самарканд) и поселения Джин-депе в Маргиане (Кошеленко, 1966. С. 91). Такая же особенность отмечена у персонажей на костяных ритонах из Нисы-Михридат-кирта в Парфии и у ряда терракот Бактрии (Атаханов, Радилевский, 1984. Рис. 1, 2; Afghanistan..., 2008. Р. 245). К югу от Гиндукуша крестообразная перевязь встречается у изображений, выполненных из кости, золота и камня, из Беграма и Таксилы (Сиркапа) (Afghanistan..., 2008. Р. 162–163; Marshall, 1918. Р. 80, pl. XVII, 11; Ильин, 1958. С. 64; Dobbins, 1973. Fig. 25, 27), а в монументальной декоративной пластике — например, у рельефа Чулакоки *дэваты* на ограде ступы в Бхархуте (Центральная Индия) (Тюляев, 1988. Рис. 89).

Другой тип в Южном Согде — как в Кеше (Крашенинникова, 1989. С. 30), так и в Нахшабе (Сулейманов, 2000. С. 195) — это статуэтки женщин в одеждах с младенцем на руках. Датируются они периодом после рубежа нашей эры. Представлен этот образ и в терракоте Хотана (Дьяконова, Сорокин, 1960. Табл. 20, 770).

Еще один тип уже в центральносогдийской коропластике (I–II вв. н. э.?) — это статуэтки женщин в хитоне и кафтане-кандисе, с малышом у ног (рис. 2.П, 5, 6) (как Афродита с Амуром, Харити с детьми) (Мешкерис, 1977. Рис. 2, 1)⁹.

Возможно, божество с ребенком в согдийской терракоте — это местная Нана (Нанайя), которой приписывалось и покровительство деторождению.

Самую большую группу среди женских изображений в согдийской терракоте образуют прямо стоящие женские фигурки в богатых одеждах и с украшениями. На наш взгляд, их можно отнести ко времени после рубежа нашей эры, когда производство коропластики в Согдиане становится массовым и стандартизированным, отвечая, очевидно, запросам широких слоев населения. По деталям костюма (в том числе головным уборам), положению рук, атрибутам выделяют несколько типов. Некоторые из них находят аналогии

в греческой (эллинистической) коропластике, как, например, «классический» хитон и гиматий сероглиняной фигурки из Кеша (рис. 3, 4) или хитон с лентой, завязанной под грудью бантом, у статуэток из Нахшаба (рис. 3, 5) (Сулейманов, 2000. С. 190, рис. 143, 4; 144, 1; ср. с Корой IV в. до н. э. в: Терракотовые статуэтки, 1974. С. 22, табл. 14, 3).

У одной из фигурок из Центрального Согда (Самарканда) платье необычного фасона: с частыми вертикальными складками между нескольких поперечных оборок (рис. 2.П, 10). Оно похоже на греческий складчатый хитон (Мешкерис, 1989. С. 107) или одежду у фигурок Месопотамии (Barrelet, 1968. Pl. LXXX, 811). Однако практически всегда у самаркандских изображений сверху накинута распахнутой иранский кандис с длинными рукавами. Можно отметить, что с рубежа нашей эры костюм восточного типа в среднеазиатской терракоте преобладает (рис. 2.П, 8), а эллинистические элементы подвергаются значительной трансформации. Художественный уровень в большинстве случаев снижается (Абдуллаев, 1996. С. 58), что особенно заметно по искажению общих пропорций фигурок.

Примеры метаморфоз в согдийской терракоте античных прототипов являют некоторые варианты причесок и головных уборов. Так, видимо, к венчающему греческих богинь *полосу* восходят высокие подцилиндрические шапочки у ряда женских фигурок из Бухарского Согда (рис. 4, 2, 3) (Адылов, 1983. Рис. 1, 8, 9; Stark et al., 2019. Fig. 6). Примечательно, что похожий убор есть у каменной скульптуры из Хатры (Месопотамия), которая несет надпись «Нана» (Azarpay, 1976. Fig. 4).

Венцы согдийских статуэток (рис. 2.П, 4; 4, 6–8), иногда богато украшенные (Заславская, 1959. Рис. 5; Мешкерис, 1977. Табл. I, 1; II, 2; III; Адылов, 1983. Рис. 1, 4, 5; Сулейманов, 2000. Рис. 150, 1, 2), вероятно, подражают греческим *стефам* (диадемам), которые носили и греческие богини, нередко — Афродита (Терракотовые статуэтки, 1974. Табл. 23, 1, 2).

Видимо, к *калафу* восходят так называемые высокие короны в виде перевернутых широким основанием вверх усеченных конусов у ряда согдийских женских статуэток (Мешкерис, 1977. Табл. IV, 2; 1989. Рис. 26, 27; Мирзаахмедов и др., 2019. Рис. 11, 1, 3). Калаф считался символом плодородия, что подчеркивали и атрибуты в руках ряда согдийских фигурок в подобных уборах (Мешкерис, 1962. Табл. VII). Находят они

⁹ Промежуточное положение занимает уже упоминавшаяся статуэтка из храма Окса: ребенок стоит у ног, а женщина полуобнажена.

аналогии и в изображениях парфянского времени из Хатры в Северной Месопотамии (*Fukai*, 1960. P. 163, pl. 22).

Среди находок из района городища Варахша (Бухарский Согд) есть головка терракоты в башенной короне-муралис (рис. 4, 1) (*Шишкин*, 1963. Рис. 12, 2). Такой убор характерен для изображений покровительниц городов — Кибелы (*Денисова*, 1981. С. 53, табл. XV, а) и Тюхе (Атаргатис), как, например, в Хатре (*al-Salihii*, 1989. P. 22, fig. 1)¹⁰. В терракоте Средней Азии он также отмечен у фигурки из Амуля, в 120 км от Бухары (*Бурханов*, 1993. Рис. 34, 7)¹¹, а также на налпе из Ай-Ханума в Северо-Восточной Бактрии (*Двуреченская*, 2016. Рис. 146, 3).

Уникальной является еще одна находка из Варахши. Это поясная фигурка женского персонажа с поднятыми вверх руками на фоне развевающегося плаща (рис. 4, 13) (*Шишкин*, 1963. Рис. 13, 2). Она очень похожа на изображения Ниобид в греческой терракоте (Терракотовые статуэтки, 1974. С. 34, табл. 44, 1).

Еще одним широко распространенным головным убором в согдийской терракоте является так называемый тюрбан(?), завязанный узлом наподобие банта (*Мешкерис*, 1989. С. 120–121). Однако в ряде случаев видно, что это замысловато уложенные пряди волос (*Там же*. Рис. 22, 2; 28, 3). Подобная прическа в Греции называлась «бант Аполлона», или «цикада», причем лоб и виски при этом закрыты локонами, как и у среднеазиатских изображений (рис. 2.П, 5, 7, 9)¹². Такая укладка волос встречается в Средиземноморье начиная с раннеэллинистического периода, становится очень популярной к его концу и была известна в Римской империи (*Burr*, 1963. P. 310, pl. 82, 15; 1966. P. 263–265, pl. 71; *Karageorghis et al.*, 2016. Cat. no. 372, 380, 422; *Ходза*, 2018. С. 239, 267). Из женских божеств «цикаду» нередко носила Афродита (*Burr*, 1965. P. 45, pl. 16, 17). В этой связи показательно, что среди статуэток

с Афрасиаба с «бантом» (датируются, видимо, после I в. н. э.) есть изображения с ребенком у ног (рис. 2.П, 5, 6)¹³ (*Мешкерис*, 1977. Рис. 2, 1) — композиция, отсылающая к классическому сюжету в греческой скульптуре и терракоте — Афродите с Эротом.

В Маргиане прическа с бантом отмечена у более ранних, обнаженных, фигурок и у более поздних, облаченных (*Двуреченская*, 2016. Ил. 260, 7; 262, 1; 263, 2, 7). Показательно, что с течением времени она видоизменяется таким же образом, как и на западе эллинизированного мира (ср.: *Кобылина*, 1961. Табл. XXXIV, 1, 2). Прическа была популярна и в Индостане. Ее можно встретить у персонажей на памятниках Гандхарского искусства, рельефов Таксилы и скульптуры Хадды (*Rowland*, 1949. Fig. 10; 1972. Fig. 6; *Vanleene*, 2018. Fig. 1).

Судя по находкам, в том числе полученным в ходе раскопок, в Согдиане почиталось еще одно женское божество, по своим функциям, видимо, напоминающее Афины Палладу (?). Терракотовые изображения в похожем на ее шлем головном уборе происходят из Самарканда и Кеша (рис. 3, 12). Они находят аналогии в скульптуре Афины из Халчаяна в Бактрии, серебряной статуэтке богини из Старой Нисы в Парфии, изображении Афины-Аллат на рельефе из Хатры (*Крашенинникова*, 1977. С. 88, 89, 92, 93, ил. 26, 1; *Fukai*, 1960. P. 156, pl. 17)¹⁴. В то же время среднеазиатские статуэтки, очевидно, местной работы и достаточно далеко отошли от эллинистических прототипов (ср.: *Кобылина*, 1961. С. 84, табл. XI, 4). В Гандхарской скульптуре изображения богинь в похожем головном уборе относят к II–III вв. н. э. (*Rowland*, 1972. Fig. 10), а на росписях Дильберджина в Южной Бактрии — к IV–V вв. (*Кириллова*, 2000. С. 159–161; *Tissot*, 2006. P. 81, 82, 89).

Археологические находки свидетельствуют, что статуэтки с различным положением рук, но теперь в одеждах, изготавливали вплоть до конца эпохи античности. Руки поддерживают грудь (*Адылов*, 1983. Рис. 1, 1, 3; *Кабанов*, 1984. Рис. 2, 1; *Сулейманов*, 2000. Рис. 144, 4), лежат на животе (*Мешкерис*, 1989. Рис. 20, 1в; 32; *Сулейманов*, 2000. Рис. 154, 4) или находятся в похожей на «стыдлившую» позу (*Мешкерис*, 1989. Рис. 29, 3; *Воробьева*,

¹⁰ На этом рельефе из храма Аллат представлено несколько божеств, детали изображений которых находят многие аналогии в терракоте Согдианы.

¹¹ Важнейшего городища-переправы на Амударье, которое находилось на пересечении дорог, связывавших Согдиану, Маргиану, Бактрию и Хорезм.

¹² Показательные отличия от прототипов демонстрируют статуэтки из наиболее далекого от Средиземноморья Хотана (*Дьяконова, Сорокин*, 1960. Табл. 24).

¹³ Реконструкция (рис. 2.П, 5, 6), в том числе по (рис. 2.П, 9).

¹⁴ В Ай-Хануме обнаружен отпечаток на стенке сосуда с персонажем в подобном головном уборе (*Двуреченская*, 2016. Ил. 147, 3).

1990. С. 117–120, рис. 1; Сулейманов, 2000. Рис. 149, 2; 151, 4). Последняя характерна и для женских фигурок, держащих различные предметы.

Анализ атрибутов использован для разработки типологии согдийских женских изображений и их интерпретации. Среди предметов наиболее распространены, как полагают, яблоко¹⁵ или(и) гранат (Мешкерис, 1962. С. 24–25, рис. 4, 5; Шишкин, 1963. Рис. 73), реже — колос (Заславская, 1959. Рис. 5), причем последний на некоторых статуэтках (рис. 3, 7; Сулейманов, 2000. Рис. 152, 1, 2) очень напоминает по абрису и положению (у плеча) оливковые ветви в руках персонажей пальмирских рельефов (*al-Salihii*, 1987. P. 56, pl. 13). В ряде случаев у женских изображений в руках предмет типа шишки (рис. 4, 4, 5; Заславская, 1959. Рис. 7, 8), возможно, символизирующий бутон лотоса, как и у статуэтки ахеменидского времени из Суз (*Goldman*, 1992. P. 93, fig. 9). Все вышеперечисленные предметы являются символами плодородия и ранее всего появляются в терракоте Ближнего Востока.

Другой популярный персонаж в согдийской коропластике — это стройная женщина в кафтане-кандисе, одетом поверх прямого платья, с плодом или зеркалом и(или) трилистником в руках (рис. 2.П, 4). Последний считается цветком лотоса или тюльпана и встречается на изображениях Ближнего и Среднего Востока ахеменидского и эллинистического периодов (*Goldman*, 1992. Fig. 5, 6, 7, 11, 26, 27, 30), а также в греческой пластике, в которой с лотосом в ряде случаев показаны коры (*Stillwell*, 1952. P. 88–89, pl. 15, X, 1; X, 2). Существует гипотеза, что в иранском искусстве так изображалась богиня вод и плодородия Ардвисура Анахита (*Moorey*, 2002. P. 209).

В Бухарском Согде, судя по находкам терракотовых фигурок, почиталось божество, которое

¹⁵ В греческой терракоте с яблоком изображалась Афродита.

изображалось в местных одеждах и со сложенными внизу живота руками (рис. 4, 6–8, 10–12). Группа статуэток, обнаруженных как на западе (Варахша, Уч-Кулах), так и на юге области (Пайкенд), образует единую серию. Фигурки передают образ женщины в возрасте со сложными прической и головным убором, а также богатым украшением в виде ожерелья из крупных подвесок-шариков (рис. 4, 11, 12; Шишкин, 1963. Рис. 60). По материалам раскопок цитадели Пайкенда их можно датировать IV в. (*Мирзаахмедов и др.*, 2016. С. 6, 61, рис. 24).

Особый класс терракотовых фигурок Согда (как и Бактрии) составляют многочисленные статуэтки музыкантов. В Центральном Согде музыканты — в основном мужчины в одеждах и сапожках¹⁶, играют на лютне, флейте, арфе (рис. 2.П, 14–16) или барабане. Полагают, что они связаны с культовой сферой. В древности музыка считалась проявлением божественного и сопровождала многие религиозные церемонии. Статуэтки музыкантов могли являться подношениями храмам, как это было, например, в Селевкии на Тигре парфянского времени. В Месопотамии этого времени известны терракотовые изображения музыкантов, выступающих совместно на лютне и флейте (*Duchesne-Guillemin*, 1996. Fig. 19).

В Южном Согде, как и в Северной Бактрии, наоборот, на инструментах играют женские персонажи (Сулейманов, 2000. С. 194, рис. 156). В восточной части области (Кеше) один тип (Омельченко, 2000б. С. 8–9) представлен полуфигурками в покрывале-накидке (рис. 3, 10, 11), похожими на лютнистку Айртамского фриза (вторая половина

¹⁶ Редкое исключение — это фигурка обнаженного персонажа, у которого необычная для Центрального Согда лютня — с вытянутой декой (рис. 2.П, 11). Возможно, что статуэтка была привезена: в Южном Согде подобные терракоты происходят с городища Еркурган — древнего Нахшаба (Сулейманов, 2000. Рис. 156, 2, 4).

Рис. 4. Терракота Западного (Бухарского) Согда: 1, 13, 14 — окрестности Варахши (1 — Культура и искусство..., 1991. Кат. № 246; 13, 14 — Шишкин, 1968. Рис. 13, 2, 3); 2 — Баштепа (*Stark et al.*, 2019. Fig. 6); 3, 5–7 — Бухара (Адылов, 1983. Рис. 1); 4, 12 — Пайкенд (*Мирзаахмедов и др.*, 2016. Рис. 24; 2013. Рис. 127, 1); 8 — Кызыл-Кыр (фото автора в ИА АН Узбекистана); 9 — Аяк-тепе 2, близ Варахши (Культура и искусство..., 1991. Кат. № 246; Шишкин, 1968. Рис. 73); 10, 11 — Уч-Кулах (*Lo Muzio*, 2009. P. 287–288)

Fig. 4. Terracottas of the Western (Bukhara) Sogd. 1, 13, 14 — surroundings of Varakhsha (1 — Культура и искусство..., 1991. Кат. № 246; 13, 14 — Шишкин, 1968. Рис. 13, 2, 3); 2 — Bashtepa (*Stark et al.*, 2019. Fig. 6); 3, 5–7 — Bukhara (Адылов, 1983. Рис. 1); 4, 12 — Paykend (*Мирзаахмедов et al.*, 2016. Рис. 24; 2013. Рис. 127, 1); 8 — Kyzyl-Kyr (photo by the author at the Institute of Archaeology of AS of Uzbekistan); 9 — Ayak-tepe 2, near Varakhsha (Культура и искусство..., 1991. Кат. № 246; Шишкин, 1968. Рис. 73); 10, 11 — Uch-Kulakh (*Lo Muzio*, 2009. P. 287–288)

II в. н. э.) (Пугаченкова, Ремпель, 1982. С. 64). Лютня двух вариантов: с корпусом «с перехватом» или с круглой декой и короткой шейкой. Этот музыкальный инструмент, как полагают, был изобретен в Средней Азии и послужил прототипом афганского сета, арабского уда, европейской лютни, китайской пипы, японской бивы. Игра на лютне могла сопровождаться вокальной партией (Садоков, 1968. С. 167), что заметно на одной из южносогдийских статуэток.

Бытование полуфигурных изображений, видимо, неслучайно. В греческой терракоте они появились с VI в. до н. э. и передавали изображения хтонических божеств, прорастающих из земли (Русяева, 1982. С. 47, 55, 73). Возможно, в Средней Азии они также были связаны с божествами растительности — местными дриадами.

Еще один вариант изображений из Южного Согда II–III вв. н. э. — это лютнистки в одежде типа широкого халата, с богатыми украшениями и прической с диадемой, как у Бактрийской богини (рис. 3, 8), или в высоком головном уборе, похожем на калаф (рис. 3, 9). Интересно, что археологически зафиксирована совместная находка терракотовых фигурок лютнисток и изображений Великой богини: в урочище Сийпанташ в Кеше¹⁷ и в храме на Дальверзин-тепе в Бактрии (Пугаченкова, 1981. С. 113, 115, 117). Участие музыкантов в сценах, связанных с зороастрийским культом, демонстрируют изображения на раннесредневековых согдийских оссуариях (Крашенинникова, 1986. С. 46; Лунина, Столярова, 1983. № 3. С. 47) и в сасанидской торевтике (Смирнов, 1909. Рис. 66).

Достаточно многочисленны и территориально широко распространены в Средней Азии фигурки лепных всадников-примитивов. Их массовое появление в оазисах региона исследователи связывают с приходом кочевых племен (саков, юэчжей) в середине — второй половине II в. до н. э. (Pugachenkova, 1989. P. 15–17, fig. 1). Они почитали обожествленных героических предков, которых, как считают, и изображали терракотовые фигурки. Подобные статуэтки, иногда только кони или всадники с оттиснутой в форме головы (рис. 3, 13), известны в Согде в датированных слоях Афрасиаба (Шишкина, 1965. С. 182–183, рис., 2), Бухары (Адылов, 1983. Рис. 3, 1, 2), Пайкенда, Кеша и Нахшаба (Крашенинникова, 1977. Ил. 26; Кабанов,

1962. Рис. 3; Сулейманов, 2000. С. 190, рис. 148, 2). Ведущую роль племен сако-сарматского круга в распространении культа героического предка подтверждают и находки статуэток всадников в Северном Причерноморье (Боспор), относящиеся к I в. до н. э. — I в. н. э. — времени значительного усиления влияния кочевников в греческих городах региона (Пругло, 1977. С. 178–181).

Другие мужские персонажи в согдийской терракоте редки. Встречается изображение стоящего юноши в подпоясанном кафтоне, штанах, сапогах и высоком головном уборе с загнутой верхушкой — традиционном для согдийцев и саков кулохе (рис. 2. III, 4). Возможно, это Митра — иранское божество солнечного света и договора, которого часто изображали в так называемом фригийском колпаке и похожем костюме (см., например: Jong, 2000. Fig. 1).

Очень любопытны атрибуты у одного из персонажей (коллекция Эрмитажа; рис. 2. III, 3). В правой руке он держит предмет типа кольца (инвестирующего?), левая лежит на поясе, на перекрестии кинжала. Реалистично переданы его «сердцевидное» (или валютнообразное) навершие, бутероль и вертикальная скользящая скоба от крепления ножен к ремню портупей, накинута на кисть. Подобные скобы встречаются как в курганах первых веков нашей эры. Евразийской степи, так и, например, в сирийском Дура-Европос римского времени (Дзюладзе и др., 2017. С. 264–266, рис. 9). В Согде железные скобы найдены в Пайкенде (Бухарский оазис), а нефритовые — в курганном могильнике Орлат (недалеко от Самарканда). Оба комплекса датируются, видимо, второй половиной I — II в. н. э. (Пугаченкова, 1989. Рис. 56; Омельченко, 2020. С. 387, рис. 9, 23, 24). Детали костюма и позы на афрасиабскую фигурку похожа статуэтка из района Варахши (рис. 4, 14). В целом это типично среднеазиатские (или «иранские») одежды, как интерпретируют их и исследователи искусства Гандхары. На одном из рельефов (из археологического музея Торонто) «кушанские» донаторы показаны с короткими мечами в ножнах с характерным креплением (Soper, 1951. P. 307, pl. 27, b).

Восточный поход Александра Великого оставил глубокий след в памяти среднеазиатских народов. В коропластике Согдианы есть большая серия фигурок, которые восходят к образу македонского царя и штамповались не менее двух-трех столетий. К самым ранним относится головка

¹⁷ Разведки кафедры археологии Национального университета Узбекистана в 2000 и 2001 гг.

в «редуцированном» львином скальпе (рис. 2.III, 6). Другое изображение, одно из самых выразительных в эрмитажной коллекции «Александров», похоже, несмотря на очевидно большой хронологический разрыв, на портрет македонского царя круга Лисиппа (рис. 2.III, 7): с легким наклоном головы и прикрытым веком¹⁸ (ср.: Ходза, 2004. С. 74–92).

Видимо, в III–IV вв. в согдийской коропластике появляются также статуэтки с выраженными индивидуальными чертами лица (рис. 2.III, 8–11). Они отражают общее для позднеантичного искусства явление нарастания реалистических тенденций, что демонстрируют позднеантичная греческая терракота, Файюмский портрет, надгробные стелы Пальмиры, Гандхарское искусство (скульптура Хадды¹⁹).

В первых веках нашей эры в Средней Азии бытует прием оформления ручек сосудов оттисками штампов (рис. 2.I, 4–7), скорее всего, в подражание керамическим и стеклянным римским изделиям.

¹⁸ Последствия боевой травмы.

¹⁹ Очень близки головные уборы согдийских статуэток и позднегандхарских изображений.

Среди них выделяется серия изящных изображений, восходящих к образу Афродиты-Анадиомены (рис. 2.I, 4) (Мешкерис, 1977. С. 34–35, табл. XXVII, 56).

Таким образом, детали изображений в коропластике Согдианы, особенно на ранних этапах, указывают на влияние греческой терракоты. Отдельные элементы в композиции, позах, одежде, причёске, атрибутах согдийской коропластикой определенно заимствованы из нее. Однако у нас нет возможности протянуть непрерывные цепочки, ведущие от греческих оригиналов к согдийским. Объясняет это явление наличие «транзитных» культурных областей, прежде всего Селевкидской, а затем парфянской Месопотамии (где существовала своя древняя школа коропластики). Она была главным центром передачи эллинистических влияний на восток, в Маргиану, Бактрию и далее — в Согд. Другим важным механизмом являлось распространение «западной», очевидно, престижной, моды среди населения восточных областей «эллинизированного» мира, знаковые элементы которой затем уже переносились на терракоту.

Абдуллаев, 1995 — Абдуллаев К. Тихе-Ордохшо-Харити (к вопросу о кушанском пантеоне) // ОНУ. 1995. № 1–3. С. 38–42.

Абдуллаев, 1996 — Абдуллаев К. А. Эллинистические традиции в искусстве Согда и Бактрии // ИМКУ. 1996. Вып. 27. С. 52–61.

Адылов, 1983 — Адылов Ш. Т. О коропластике Бухарского Согда // ИМКУ. 1983. Вып. 18. С. 65–75.

Алёкин, 2010 — Алёкин В. А. Датировка могильника Заман-баба (по материалам терракот Центральной Азии эпохи энеолита и бронзового века) // Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии: Материалы междунар. конф. Самарканд, 7–8 сентября 2009 г. / Отв. ред. Ш. Мустафаев. Самарканд: МИЦАИ; Ташкент: SMI-ASIA, 2010. С. 80–89.

Альбаум, 1960 — Альбаум Л. И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960. 227 с.

Атаханов, Радиловский, 1984 — Атаханов Т. М., Радиловский В. В. Археологические исследования городища Калаи Шодмон в 1978 г. // АРТ. 1984. Вып. 18. С. 146–155.

Ахраров, Усманова, 1990 — Ахраров И., Усманова З. И. Терракоты Бухары // Культура Среднего

Востока. Изобразительное и прикладное искусство / Под ред. Г. А. Пугаченковой. Ташкент: Фан, 1990. С. 36–44.

Бурханов, 1993 — Бурханов А. А. Древности Амуля (Область Амуля в древности и раннем средневековье). Ашгабат: Ёлым, 1993. 215 с., 82 рис.

Воробьева, 1990 — Воробьева С. Н. Об одной группе женских терракот с городища Еркурган // ИМКУ. 1990. Вып. 24. С. 116–120.

Воробьева, 1991 — Воробьева С. Н. Женская терракота из городского храма Еркургана // ИМКУ. 1991. Вып. 25. С. 111–116.

Вяткин, 1926 — Вяткин В. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Ташкент: Ташокрлит, 1926. 65 с.

Григорьев, 1940 — Григорьев Г. В. Поселения древнего Согда // КСИИМК. 1940. Вып. 6. С. 24–34.

Гулямов и др., 1966 — Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскаров А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Заравшана. Ташкент: Фан, 1966. 266 с.

Двуреченская, 2016 — Двуреченская Н. Д. Терракотовая пластика древнейших государств Средней Азии IV в. до н. э. — IV в. н. э. (археологический аспект). СПб.: Нестор-История, 2016. 609 с.

- Денисова, 1981 — Денисова В. И. Керамика Боспора. Л.: Наука, 1981. 171 с.
- Дзюладзе и др., 2017 — Дзюладзе Е. С., Сикоза Д. Н., Симоненко А. В. Воинское погребение в могильнике Красный Маяк на Нижнем Днепре // Археологія і давня історія України. Київ, 2017. Вип. 2. С. 255–270.
- Дьяконова, Сорокин, 1960 — Дьяконова Н. В., Сорокин С. С. Хотанские древности. Каталог хотанских древностей, хранящихся в отделе Востока Государственного Эрмитажа. Терракота и штук. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1960. 128 с.
- Заславская, 1959 — Заславская Ф. А. Богиня плодородия в керамике Афрасиаба кушанского времени // ИМКУ. 1959. Вып. 1. С. 22–59.
- Ильин, 1958 — Ильин Г. Ф. Древнеиндийский город Таксила. М.: Изд-во вост. литературы, 1958. 84 с.
- Исаков, 1991 — Исаков А. И. Саразм. К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977–1983 гг.). Душанбе: Дониш, 1991. 244 с.
- Кабанов, 1962 — Кabanов С. К. Керамический комплекс из наслоений древнего городища в Китабе // ИМКУ. 1962. Вып. 3. С. 42–53.
- Кабанов, 1984 — Кabanов С. К. Терракоты из раскопа на Афрасиабе // ИМКУ. 1984. Вып. 19. С. 72–80.
- Кириллова, 2000 — Кириллова О. В. Богиня в шлеме с городища Афрасиаб // Средняя Азия. Археология. История. Культура: Материалы междунар. конф., посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной / Председатель ред. коллегии О. Н. Иневаткина. М.: Гос. музей Востока, 2000. С. 159–161.
- Кирчо, 2007 — Кирчо Л. Б. Древние связи населения Южного Туркменистана и долины Зеравшана (начало формирования торговых путей в Средней Азии) // Записки ИИМК. 2007. № 2. С. 193–208.
- Кобылина, 1961 — Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 182 с.
- Кошеленко, 1966 — Кошеленко Г. А. Культура Парфии. М.: Наука, 1966. 220 с.
- Кошеленко, 1979 — Кошеленко Г. А. Эллинизм в Средней Азии // Античная культура Средней Азии и Казахстана: Тезисы докладов Всесоюзного научного совещания / Отв. ред. А. А. Аскаров, М. И. Филанович. Ташкент, 1979. С. 41–42.
- Крашенинникова, 1977 — Крашенинникова Н. И. Два комплекса керамики II–I вв. до н. э. из нижних слоев Китаба // Сборник научных трудов Ташкентского гос. университета. Ташкент, 1977. № 533. С. 77–94.
- Крашенинникова, 1986 — Крашенинникова Н. И. Два штампованных оссуария из окрестностей кишлака Сиваз Китабского района // Городская среда и культура Бактрии–Тохаристана и Согда (IV в. до н. э. — VIII в. н. э.): Тезисы докладов советско-французского colloquiuma. Самарканд, 25–30 августа 1986 г. / Отв. ред. Г. А. Пугаченкова. Ташкент: Фан, 1986. С. 45–47.
- Крашенинникова, 1989 — Крашенинникова Н. И. Прошлое Китаба // Вехи времен. Рассказы о памятниках истории и культуры Узбекистана. Альманах'89 / Ред. Г. А. Пугаченкова. Ташкент: Фан, 1989. С. 27–33.
- Культура и искусство..., 1991 — Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Т. 1 / Отв. ред. К. А. Абдуллаев, Э. В. Ртвеладзе, Г. В. Шишкина. М.: Внешторгиздат, 1991. 216 с.
- Луконин, 1977 — Луконин В. Г. Искусство Древнего Ирана. М.: Искусство, 1977. 232 с.
- Лунина, Столярова, 1983 — Лунина С. Б., Столярова Н. П. Оссуарий из Хантепа // ОНУ. 1983. № 3. С. 46–48.
- Маршак, 1999 — Маршак Б. И. Согд V–VIII вв. Идеология по памятникам искусства // Средняя Азия и Дальний Восток и эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье / Отв. ред. Г. А. Брыкина. М.: Наука, 1999. С. 175–191.
- Мешкерис, 1962 — Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 140 с.
- Мешкерис, 1977 — Мешкерис В. А. Керамика Согда. Душанбе: Дониш, 1977. 126 с.
- Мешкерис, 1989 — Мешкерис В. А. Согдийская терракота. Душанбе: Дониш, 1989. 324 с.
- Мешкерис, 2004 — Мешкерис В. А. Индийские традиции в художественной культуре Средней Азии. СПб.: Нестор-История, 2004 (Тр. ИИМК; Т. XIV). 164 с.
- Мирзаахмедов и др., 2013 — Мирзаахмедов Д. К., Омельченко А. В., Холов Д. О. и др. Отчет о раскопках в Пайкенде в 2011–2012 гг. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013 (МБАЭ; Вып. 12). 205 с.
- Мирзаахмедов и др., 2016 — Мирзаахмедов Д. К., Омельченко А. В., Горин А. Н. и др. Отчет о раскопках в Пайкенде в 2013–2014 гг. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2016 (МБАЭ; Вып. 13). 220 с.
- Мирзаахмедов и др., 2019 — Мирзаахмедов Д. К., Штарк С., Кидд Ф. и др. Археологические исследования на Баштепинской группе памятников Бухарского оазиса в 2018 году // АИУ. 2019. Вып. 12. С. 217–279.
- Наршахи, 2011 — Абу Бакр Мухаммад ибн Джа'фар ан-Наршахи. Та'рих-и Бухара. История Бухары / Пер., ком. и прим. Ш. С. Камолиддина;

- археолого-топограф. ком. Е. Г. Некрасовой. Ташкент: SMI-ASIA, 2011. 600 с.
- Омельченко, 2000а — Омельченко А. В. Терракотовая статуэтка из Сарай-тепе // Средняя Азия. Археология. История. Культура. Материалы междунар. конф., посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной / Председатель ред. коллегии О. Н. Иневаткина. М.: Гос. музей Востока, 2000. С. 176–179.
- Омельченко, 2000б — Омельченко А. В. Терракотовые статуэтки лютнисток с поселения Сарайтепа // *San'at*. Ташкент, 2000. № 3. С. 8–9.
- Омельченко, 2001 — Омельченко А. В. Терракотовые изображения лютнисток из Аякчинского оазиса (Китабский район) // ОНУ. 2001. № 1. С. 47–49.
- Омельченко, 2020 — Омельченко А. В. Ботросы и фависса Пайкенда (предварительное сообщение) // История и археология Турана. Самарканд, 2020. № 5. С. 378–398.
- Пилипко, 2003 — Пилипко В. Н. Роль Парфии в разгроме государства бактрийских греков // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2 / Отв. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 125–127.
- Пругло, 1977 — Пругло В. И. Терракотовые статуэтки всадников на Боспоре // История и культура античного мира / Отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука, 1977. С. 177–182.
- Пугаченкова, 1962 — Пугаченкова Г. А. Коропластика древнего Мерва // Тр. ЮТАКЭ. 1962. Т. 11. С. 116–178.
- Пугаченкова, 1974 — Пугаченкова Г. А. О культах Бактрии в свете археологии // ВДИ. 1974. № 3. С. 124–135.
- Пугаченкова, 1981 — Пугаченкова Г. А. Храм бактрийской богини на Дальверзин-тепе // Древний Восток и мировая культура / Под ред. И. М. Дьяконова. М.: Наука, 1981. С. 112–127.
- Пугаченкова, 1989 — Пугаченкова Г. А. Древности Мианкаля. Из работ узбекистанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент: Фан, 1989. 204 с.
- Пугаченкова, Ремпель, 1982 — Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Очерки искусства Средней Азии. М.: Искусство, 1982. 288 с.
- Ремпель, 1987 — Ремпель Л. И. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1987. 190 с.
- Ртвеладзе, 2012 — Ртвеладзе Э. В. Великий индийский путь: из истории важнейших торговых дорог Евразии. СПб.: Нестор-История, 2012. 296 с.
- Русяева, 1982 — Русяева А. С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI–I вв. до н. э.). Киев: Наукова думка, 1982. 165 с.
- Садоков, 1968 — Садоков Р. А. Древнехорезмийский инструментальный ансамбль (по материалам росписи Топрак-калы) // История, археология и этнография Средней Азии. К 60-летию со дня рождения С. П. Толстова / Ред. кол.: А. В. Виноградов и др. М.: Наука, 1968. С. 161–166.
- Смирнов, 1909 — Смирнов Я. И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб.: Императорская археологическая комиссия, 1909. 18 с., 130 табл.
- Сулейманов, 2000 — Сулейманов Р. Х. Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н. э. — VII в. н. э. Самарканд; Ташкент: Фан, 2000. 343 с., 201 рис.
- Терракотовые статуэтки, 1974 — Терракотовые статуэтки. Ч. 3: Пантикапей / Отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука, 1974 (САИ; Вып. Г1-11). 57 с., 31 л. ил.
- Толстой, Кондаков, 1890 — Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3: Древности времен переселения народов. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1890. 158 с.
- Тюляев, 1988 — Тюляев С. И. Искусство Индии (III-е тысячелетие до н. э. — VII век н. э.). М.: Искусство, 1988. 342 с.
- Ходза, 2004 — Ходза Е. Н. Две терракоты из собрания Эрмитажа в контексте эллинистического портрета // Эллинистические штудии в Эрмитаже. К 60-летию Михаила Борисовича Пиотровского / Под ред. Е. Н. Ходза. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 74–92.
- Ходза, 2018 — Ходза Е. Н. Античные терракоты из собрания П. А. Сабурова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2018. 368 с.
- Шишкин, 1963 — Шишкин В. А. Варахша. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 250 с., 18 табл.
- Шишкина, 1965 — Шишкина Г. В. О датировке некоторых терракот Афрасиаба // ИМКУ. 1965. Вып. 6. С. 180–184.
- Яценко, 2006 — Яценко С. А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. 664 с.
- Afghanistan..., 2008 — Afghanistan: Hidden Treasures from the National Museum, Kabul / Eds. F. Hiebert and P. Cambon. Washington: National Geographic Society, 2008. 303 p.

- Azarpay, 1976 — Azarpay G. Nanâ, the Sumero-Akkadian Goddess of Transoxiana // JAOS. 1976. Vol. 96, no. 4. P. 536–542.
- Barrelet, 1968 — Barrelet M. Th. Figurines et reliefs en terre cuite de la Mésopotamie antique. 1. Potiers, termes de métier, procédés fabrication et production. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1968 (Bibliothèque Archéologique et Historique; T. 85). 538 p.
- Boardman, 2015 — Boardman J. The Greeks in Asia. London: Thames and Hudson, 2015. 240 p.
- Burr, 1963 — Burr T. D. Three Centuries of Hellenistic Terracottas. The second century B.C. // Hesperia. 1963. Vol. 32, no. 3. P. 301–317.
- Burr, 1965 — Burr T. D. Three Centuries of Hellenistic Terracottas. V. The mid-second century B.C. // Hesperia. 1965. Vol. 34, no. 1. P. 34–71.
- Burr, 1966 — Burr T. D. Three Centuries of Hellenistic Terracottas. VII. The early first century B. C. The Mask cistern // Hesperia. 1966. Vol. 35, no. 3. P. 252–267.
- Carter et al., 2015 — Carter M., Harper P. Arts of the Hellenized East: Precious Metalwork and Gems of the Pre-Islamic Era // With contributions by P. Harper and P. Meyers. London: Thames and Hudson, 2015. 424 p.
- Dobbins, 1973 — Dobbins K. W. Gandharan Art from Stratified Excavations // EW. NS. Vol. 23, no. 3–4. 1973. P. 279–294.
- Duchesne-Guillemin, 1996 — Duchesne-Guillemin M. Les instruments de musique dans l'antiquité // IA. 1996. Vol. 31. P. 213–238.
- Fjeldhagen, 1995 — Fjeldhagen M. Graeco-Roman Terracottas from Egypt: Ny Carlsberg glyptotek. Copenhagen: Ny Carlsberg glyptotek, 1995. 218 p.
- Fukai, 1960 — Fukai S. The Artifacts of Hatra and Parthian Art // EW. 1960. Vol. 11, no. 2/3. P. 135–181.
- Goldman, 1992 — Goldman B. Women's Robes: The Achaemenid Era // BAI. NS. 1992. Vol. 5 (1991). P. 83–103.
- Jong, 2000 — Jong A. de. A New Syrian Mithraic Tauroctony // BAI. NS. 2000. Vol. 11 (1997). P. 53–63.
- Karageorghis et al., 2016 — Karageorghis V., Merkner G. S., Mertens J. R. The Cesnola Collection of Cypriot Art: Terracottas. New York: Metropolitan Museum of Art, 2016. 285 p. Available at: https://www.metmuseum.org/art/metpublications/The_Cesnola_Collection_of_Cypriot_Terracottas (accessed 05.04.2021).
- Kidd, 2007 — Kidd F. J. Costume of the Samarkand Region of Sogdiana between the 2nd/1st Century B.C.E. and the 4th Century C. E. // BAI. NS. 2007. Vol. 17 (2003). P. 35–69.
- Langin-Hooper, 2007 — Langin-Hooper S. M. Social Networks and Cross-cultural Interaction: a New Interpretation of the Female Terracotta Figurines of Hellenistic Babylon // Oxford Journal of Archaeology. Oxford, 2007. Vol. 26 (2). P. 145–165.
- Lo Muzio, 2009 — Lo Muzio C. Le terrecotte di Uch Kulakh (Oasi di Bukhara) // Gli scavi di Uch Kulakh (Oasi di Bukhara). Rapporto preliminare, 1997–2007 / Eds. C. Silvi Antonini, Dž. K. Mirzaachmedov. Pisa; Roma: Fabrizio Serra Editore, 2009 (Rivista degli Studi Orientali. Vol. 82, suppl. 1). P. 165–169.
- Lo Muzio, 2010 — Lo Muzio C. Unpublished Terracotta Figurines from the Bukhara Oasis // South Asian Archaeology 2007: Proceedings of the 19th Meeting of the European Association of South Asian Archaeology in Ravenna, Italy, July 2007. Vol. 2: Historic Periods / Eds. P. Callieri, L. Colliva. Oxford: Archaeopress, 2010 (BAR. IS; 2133). P. 179–190.
- Marshall, 1918 — Marshall J. A Guide to Taxila. Calcutta: Superintendent Government Printing, India, 1918. VII. 124 p., 29 pl.
- Marshall, 1951 — Marshall J. Taxila. An Illustrated Account of Archaeological Excavations carried out at Taxila under the Orders of the Government of India between the Years 1913 and 1934. Vol. I–III. Cambridge: At the University Press, 1951. LVI, 895 p., 246 pl.
- Menegazzi, 2009 — Menegazzi R. La figura del cavaliere nella coroplastica di Seleucia al Tigri // Electrum. Kraków, 2009. Vol. 15. P. 67–176.
- Mode, 1970 — Mode H. Die Frau in der Indischen Kunst. Leipzig: Edition Leipzig, 1970. 117 S.
- Moorey, 2002 — Moorey P. R. S. Novelty and Tradition in Achaemenid Syria: The Case of the Clay "Astarte plaques" // IA. 2002. Vol. 37. P. 203–218.
- Pugachenkova, 1989 — Pugachenkova G. A. The Terracotta Horses of Bactria-Tokharistan: Semantics and Image // BAI. NS. 1989. Vol. 3. P. 15–19.
- Rotroff, 1982 — Rotroff S. Hellenistic Pottery: Athenian and imported moldmade bowls / The Athenian Agora. 1982. Vol. 22. 135 p.
- Rowland, 1949 — Rowland B. The Hellenistic Tradition in Northwestern India // The Art Bulletin. New York, 1949. Vol. 31, no. 1. P. 1–10.
- Rowland, 1959 — Rowland B. The Art and Architecture of India: Buddhist, Hindu, Jain. Harmondsworth: Penguin Books, 1959. 288 p.
- Rowland, 1972 — Rowland B. Graeco-Bactrian Art and Gandhāra: Khalchayan and the Gandhāra Boddhisattvas // Archives of Asian Art. New York, 1972. No. XXV (1971–1972). P. 29–35.
- al-Salihii, 1987 — al-Salihi W. I. Palmyrene Sculptures found at Hatra // Iraq. 1987. Vol. 49. P. 53–61.
- al-Salihii, 1989 — al-Salihi W. The Lintel of Gods from Hatra // BAI. NS. 1989. Vol. 3. P. 21–24.

- Soper*, 1951 — *Soper A. C.* The Roman Style in Gandhara // *AJA*. 1951. Vol. 55, no. 4. P. 301–319.
- Stark et al.*, 2019 — *Stark S., Mirzaakhmedov S., Kidd F., Mirzaakhmedov D.* New finds of terracotta figurines from western (Bukharan) Sogdiana // *Parthica*. 2019. Vol. 21. P. 159–178.
- Stillwell*, 1952 — *Stillwell A. N.* The Potters' Quarter: The terracottas. New Jersey: American School of Classical Studies, 1952 (Corinth. Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. XV, pt. 2). 300 p.
- Swarup*, 1957 — *Swarup Sh.* The Arts and Crafts of India and Pakistan. Bombay: Taraporevala's Treasure House of Books, 1957. 89 p.
- Tissot*, 2006 — *Tissot F.* Catalogue of the National Museum of Afghanistan, 1931–1985. Paris: UNESCO, 2006. 539 p.
- Treister*, 2010 — *Treister M.* Bronze and Silver Greek, Macedonian and Etruscan Vessels in Scythia // *Bollettino di Archeologia on line*. Roma, 2010. Volume speciale: Roma 2008 — International Congress of Classical Archaeology: Meetings between Cultures in the Ancient Mediterranean. P. 9–26. Available at: https://www.academia.edu/1162840/M_Treister_Bronze_and_Silver_Greek_Macedonian_and_Etruscan_Vessels_in_Scythia_In_Roma_2008_International_Congress_of_Classical_Archaeology_Meetings_Between_Cultures_in_the_Ancient_Mediterranean_Bollettino_di_archeologia_on_line_1_2010_Volume_speciale_C_C10_2 (accessed: 10.04.2021).
- Treuer*, 1934 — *Treuer C. V.* Terracottas from Afrasiab. Moscow; Leningrad: State Editions Dept., Social-Economic Section, 1934 (Bulletin of the State Academy for History of Material Culture. Fasc. 93). 51 p., 14 pl.
- Vanleene*, 2018 — *Vanleene A.* Differences and similarities in Gandhāran art production: the case of the modelling school of Ḥaḍḍa (Afghanistan) // *The Geography of Gandhāran Art: Proceedings of the Second International Workshop of the Gandhāra Connections Project*, University of Oxford, 22nd — 23rd March, 2018 / Eds. W. Rienjang, P. Stewart. Oxford: Archaeopress Archaeology, 2018. P. 143–163.

On the terracotta plastics of antique Sogdiana

A. V. Omel'chenko²⁰

This paper is devoted to coroplastics of ancient Sogdiana — the historical cultural region which occupied in antiquity the central areas of Central Asia, the valleys of the Zeravshan and Kashkadarya (Qashqadaryo) rivers.

The first examples of terracottas, produced locally with the use of evidently imported matrices, were represented by discs depicting in high relief the heads of the Gorgon Medusa and Silenus on Megara bowls and situlae.

The permanent local production of full-figure terracotta statuettes in Sogdiana begins, as it seems, closer to the middle of the 2nd century BC. At the early stage, the Sogdian school of coroplastics resembled the Margiana's school which was greatly influenced by Near-East centres. Similar trends were present in the coroplastics of Northern India which, like Mesopotamia, Margiana and partly Bactria, in the 1st century BC were under the political influence of the Parthian state.

The earlier group of terracottas in Sogdiana, and generally in Central Asia, is represented by female naked figurines of the Mother Goddess, sometimes with a child in hands. About at the turn of this era, statuettes of women in local clothes with certain elements resembling Greek examples become widely distributed. For the attribution of the divinities such as Nana, Anahita, Atargatis-Athena, of importance are the headdresses and attributes of the figurines.

Of wide distribution are statuettes of musicians: in Central Sogdiana it is men, in Southern Sogdiana — women playing lutes, flutes of two types, harps or drums. Frequently also modelled figurines of riders-primitives are found which became widespread in the oases of the region with the advent of nomadic tribes (Sakae, Yuezhi). After the turn of this era, male statuettes appear wearing caftans and pointed kuloh caps), occasionally with a dagger, evidently representations of Mithras.

In the 3rd–4th century, in the coroplastics of Sogdiana, individualized images became widespread reflecting the increase of realistic trends in the art of the Hellenized regions of the East in the 1st–2nd century (Faiyum portraits, steles from Palmira, Gandhara art). A large series of the late ancient, as well as early mediaeval coroplastics of Sogdiana is constituted by representations originated from the portrait of Alexander of Macedon; also anthropomorphic imprints appear as imitations of the Roman ceramics and glass.

²⁰ Andrey Omelchenko — The State Hermitage Museum; Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: andrey.sogd@gmail.com.